

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

АНТИКВАРНЫЙ

ПЛУТ

МОСКВА

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *В. Щербакова*

Иллюстрация на обложке *В. Петелина*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Антикварный плут / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-186601-3

Умер пожилой ученый Олег Журин, старый знакомый полковника Гурова. На первый взгляд смерть выглядит естественной. Однако при вскрытии в крови покойного обнаружено странное сочетание несовместимых между собой лекарств в больших дозах. Сыщик выясняет, что после смерти жены ученый увлекся молодой пассией. Та на допросе призналась, что действительно хотела женить на себе богатого старика, но гибели его не желала. Гуров устанавливает слежку за квартирой Журиных и однажды вечером замечает в их окне свет и знакомый силуэт... покойной жены ученого...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Макеев А.В., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-186601-3

Седая сгорбленная старуха в пышном вечернем платье с открытыми плечами стояла у окна. Тонкие черты, спутанные кудри в высокой прическе, крупные украшения на дряблой шее и отвисших от старости мочках. Она стояла так уже несколько часов, ожидая его. От холодного стекла и без того бледное лицо стало синеватым, а обнаженные плечи вздыбились вверх. Но она знала точно, что он придет, не может не прийти к ней. И когда внизу остановился автомобиль и высокий крупный мужчина хлопнул дверцей, а потом застыл с окаменевшим взглядом при виде черно-белого силуэта в окне, она подняла руку в длинной бархатной перчатке и поманила его к себе — я жду. Тот сделал шаг, другой. Неуверенные, полные страха глаза. И иссиня-бледная рука, затянутая в черное, поманила его снова — иди. Из машины выско-

чила темноволосая женщина, обняла своего спутника, удерживая на месте. Она что-то торопливо говорила ему, тянула за рукав обратно в безопасное пространство машины. Ее взгляд в ужасе метался от бледного призрака за мутным стеклом, который никак не растворялся в сгущающихся сумерках, к застывшему лицу мужа. Все попытки остановить его были напрасными. Мужчина покачал головой, аккуратно снял изящную руку со своей груди.

— Она не причинит мне вреда, поверь. Живая или мертвая. Она любила меня как родного, как часть своей семьи. Поэтому обещаю, все будет хорошо. Подожди меня в машине.

И он зашагал уже уверенно и быстро к знакомой двери подъезда, по ступеням, которые хранили тысячи невидимых отпечатков его шагов много лет назад. Память помнила каждую ступеньку, пятьдесят стремительных шагов — и он окажется у родной до единого пятнышка двери. За ней его ждет не смерть и не опасность, а тепло семьи, почти семьи.

ГЛАВА 1

Робкий стук в дверь вырвал Льва из размышлений. Оперативник по особо важным делам полковник Гуров был азартен в каждом своем расследовании, поэтому всегда с головой уходил из реальности в собственные мысли, пытаясь представить картину совершенного злодеяния в деталях. Он только поднял взгляд от бумаг, как в дверном проеме уже торчала вихрастая голова новенького сотрудника отдела уголовного розыска — лейтенанта Веснина. Парнишка, неловко переминаясь с ноги на ногу, робко залепетал:

— Лев Иванович, простите, можете посоветовать? Извините, если не вовремя, я попозже. Вы только скажите.

Лев Иванович Гуров, хоть был опытным оперативником с огромным стажем, работу ■

свою по-прежнему обожал. Именно поэтому все новички отдела по особо важным делам рано или поздно оказывались на его пороге. Лев с упоением вникал в детали не только своих уголовных дел, а еще всегда охотно приходил на помощь коллегам, отвечая на вопросы, подсказывая версии или давая направление в оперативно-разыскной деятельности. Каждый сотрудник знал: если есть трудный, неразрешимый вопрос, то в кабинете с номером 05 два профессионала, Лев Гуров и его напарник Станислав Крячко, найдут ответ. Вот и сейчас Лев доброжелательно кивнул парню — заходи, рассказывай. Он понимал, что все-таки тот в отделе служит уже третий месяц и немного нахватался искусства расследования преступлений, следовательно, положение действительно трудное и молодому оперативнику нужен совет.

— Рассказывай, Валера, — память услужливо подсказала имя паренька, которое регулярно звучало на планерках в кабинете их общего начальника, генерала Орлова.

■ Тот заторопился изложить суть просьбы:

— Понимаете, мне в производство дали глухаря, настоящего глухаря. Вернее, там все понятно, даже вскрытие подтвердило, что человек скончался от сердечного приступа, то есть причина смерти естественная. Но вот эта следователь, — парень даже понизил голос от робости перед строгим следователем, с которой ему угораздило работать в паре, — Зубарева, она требует, чтобы я еще версии отработал, перед тем как дело в отказ отправить. А какие могут быть версии?! Я уже голову сломал, там зацепиться не за что совершенно. Пенсионер, лет ему много, умер от сердечного приступа, все ведь понятно и просто. Ну зачем время терять?! Да мне не жалко, я бы сделал. Для опыта, так сказать. Только что сделать? Зубарева говорит — другие версии проверь, а какие? У меня их нет.

Валерка беспомощно развел руками, в одной из которых была зажата скудная стопочка из листов протоколов. Лев Иванович молчал, пока парнишка сумбурно делился накипевшими эмоциями, понимая, что тому для начала надо сбросить негативный груз. Сам так же тяжело переживал до сих пор

неудачи в работе, но возраст научил его выплескивать стресс в спортзале на занятиях по единоборствам или оставлять эту тяжесть в любимом блокноте для записей. Раздражение и досада — плохие напарники во время расследования, они не дают взглянуть на факты трезвым умом, лишь толкают к ошибкам. В работе опера цена ошибок и неправильных версий — человеческая жизнь и свобода. Когда поток возмущения и вопросов без ответов стих, Лев протянул умиротворяюще:

— Наталья следователь опытный, просто так гонять не станет с поручениями, значит, есть у нее подозрения, что со смертью пенсионера не все в порядке. Бывает так иногда, знаешь, интуиция уже сработала, а вот фактов и улик еще не хватает, чтобы подтвердить мысль. Тут и начинается работа опера. Давай так. Рассказывай все обстоятельства дела, постарайся все детали вспомнить, пускай даже мелкие. Я вопросы буду задавать не для того, чтобы тебя подловить. Нет. Чтобы помочь найти другой угол видения ситуации. А потом ■ вместе будем думать, что же можно сделать.

Валерий тряхнул тонкой папочкой с опросами свидетелей и осмотрами на выездных мероприятиях:

— К нам дело попало почти случайно, было подозрение на насильственную смерть из-за сильного шума перед обнаружением тела. Нашла соседка, и в полицию звонили другие жильцы, жаловались в тот вечер на громкие звуки. Когда опрос проводили поквартирный, все соседи дали показания, что в момент смерти пенсионера из его квартиры доносились страшные крики, музыка громко играла и раздавался грохот. Это ночью почти было, около полуночи, так как много кто спал и проснулся из-за буйного пенсионера. Хотя он по всем характеристикам небуйный, непьющий, не замечали за ним раньше. — Валерка осекся, поняв, что ушел в размышления от рассказа о событиях. — Поэтому дело отправили нам на проверку. Ну, чтобы точно не насильственная смерть. Пока заключения о естественной смерти не было еще, я поквартирный опрос повторил. Жильцы говорят то же самое, новых фактов не обнаружено. Жил старик тихо, вдовец, непьющий, ученый бывший, когда-то

работал в институте. В день смерти у него четверть часа в квартире стоял крик, грохот, как в аду, поэтому и возникли подозрения в убийстве. Только они не подтвердились, пришло заключение эксперта сегодня утром, что причина смерти — естественная, у Журина отказало сердце. Все-таки старику было уже за 80. Может быть, выпил, молодость вспомнил или телевизор громко смотрел с боевичком. Сделал погромче, не рассчитал, что поздно уже. Может, слышал плохо. Обычное объяснение громким звукам, никакого криминала. Конечно, это наша работа — убедиться, что смерть была точно ненасильственной, так ведь здесь криминалисты мое мнение подтвердили. Улик для другой версии нет совсем, да и нет у меня версии. Ну что еще могло произойти? Понятно же, что телевизор громко смотрел, стало с сердечком плохо, может, кричать начал, о помощи просил. Пока услышали, пока в квартиру попали, уже поздно было. Что вот я Зубаревой еще выдумать должен? Ну крики, ну и что? У меня вот собака лает постоянно, ■ а сосед так храпит, что стены дрожат, за сте-

ной вечно ребенок орет, мы же полицию не вызываем.

Молодой лейтенант остановился, вдруг поняв, что опер его не слушает, уставившись в одну точку перед собой.

Полковник же с головой утонул в нахлынувших воспоминаниях при упоминании фамилии Журин. С ней были связаны тесно годы его юности, когда молодой парень Лева Гуров, будучи еще студентом юридического факультета, делал свои первые шаги в самостоятельную жизнь и снимал квартиру, чтобы насладиться прелестями новой взрослой жизни. Именно чета Журиных, Лидия и Олег Митрофанович, оказалась его соседями по площадке. Их возраст тогда приближался к пятому десятку, интеллигенты без детей и питомцев, они по-отечески заботились о молодом человеке по соседству. А Лева с удовольствием заглядывал почти каждый вечер после занятий к гостеприимным соседям. Едва ли не ежедневные ужины за дубовым столом в уютной гостиной, шахматные партии по выходным с внуком Журиных Максимом, билеты на модные выставки от Лидии

Журиной, которая преподавала скульптуру в художественной школе. Сейчас опер на несколько секунд в своих мыслях вернулся в ту гостиную, где под зеленым абажуром за столом с тяжелой бархатной скатертью Лидия и Олег внимательно слушают впечатления восторженного студента от очередной лекции по криминалистике, расспрашивают о новом романе с однокурсницей. Круглый стол уставлен деликатесами, которые он наперегонки с Максом Журиным уминает под горячий, круто заваренный чай.

В горле вдруг засадило от горечи. Вместе с новостью о смерти старика будто и его юность неожиданно стала историей, стерлась и поблекла, как старая фотография.

— Лев Иванович, — голос Валеры снова вернул опера в реальность. — Ну так как думаете, что еще можно сделать? Ведь знаете Зубареву, она не отстанет, въедливая очень.

— Не отстанет, — эхом повторил Лев.

Внезапно он понял, что просто обязан лично разобраться, что произошло с Олегом Митрофановичем в его последний момент жизни. Почему он кричал перед смертью, звал

на помощь? Тишайший, очень сдержанный и мягкий Олег Митрофанович, который на его памяти ни разу не повысил голос. Добродушный и отзывчивый, даже если случалось что-то плохое на работе, он только вздыхал тяжело в окладистую бороду, а через секунду снова сиял доброй улыбкой.

Теперь он просто обязан убедиться, что Олег Митрофанович умер по естественной причине. Ведь семья Журиных стала для него родной на несколько лет. Пускай и разбросала их судьба, а тяжелые будни оперативника не дали возможности для регулярных встреч, сейчас та же судьба дала шанс вернуть подаренную заботу. Даже двойной долг, перед Олегом и Лидией, которые так тепло опекали неопытного студента все пять лет учебы.

Правда, он понял, что ему необходимо изучить материалы о смерти Журина в одиночестве, без пытливого взгляда новичка. Слишком болезненно было внутри от осознания, что Олег и Лидия уже ушли из жизни. Душу грызло чувство вины и сожаления, что не навещал стариков хотя бы изредка за все эти годы. Работа, женитьба, нескончаемые

расследования, переезд в новую квартиру, командировки — вечная суета, которая не дает вспомнить о главном. Поэтому сейчас Лев Иванович предложил парню:

— Уже рабочий день закончен, ты давай домой, передохнешь, голова посвежеет. Оставляй бумаги, я все просмотрю, и утром решим, как дальше лучше действовать.

Валерка суетливо мямл жидкую стопку бумаг, круглое лицо с веснушками так и светилося радостью, что он нашел помощника в трудном задании. Парень шагал к двери, а сам бормотал:

— Спасибо, спасибо, Лев Иванович, я так благодарен вам. Если бы не вы, ну не знал бы, что делать. Хоть к генералу иди, так он меня быстро в патрульные отошлет за такое. Скажет, не созрел еще до работы опером, и в районный отдел отправит. А я же стараюсь, просто ну никак... мыслей нет совсем.

Лев усмехнулся — прав молодой опер, генерал Орлов хоть и заботился о своих подчиненных как родной отец, но мог устроить разнос или жестко наказать за провинности в работе. Не любил он тех, кто относился

к расследованию формально, следуя лишь привычными путями. Оперуполномоченный подмигнул парнишке, чтобы приободрить приунывшего сотрудника, и похлопал по столу, знаком показывая, чтобы тот оставил папку с материалами для изучения. Радостный Валерка всучил результат своих трудов оперу, распрощавшись, бросился поскорее к своему кабинету за верхней одеждой. Молодость со своей вечной жадой развлечений переполняла его к вечеру и требовала женского внимания, дружеских встреч, беспечного веселья. Смерть старика и поиски злого умысла он беспечно оставил старшему коллеге словно тяжелый груз, который наконец-то можно перекинуть на чужие плечи.

Оставшись один, Лев осторожно открыл картонную папку, давно так не сжималось сердце при виде привычных протоколов. За ними обычно стояли чужие судьбы и горе, поэтому смотреть беспристрастно на картинку произошедшего было легко. Но не сегодня. Сейчас за формальными фразами спрятался кусочек его жизни. Опер пролистал листочки протоколов, заключений криминалистов, ■

собираясь с духом, чтобы вчитаться в убористые строчки и столкнуться со смертью Журина лоб в лоб. Как же ему хотелось, чтобы эта милая пара осталась в его памяти только живыми! Яркая и эффектная Лидия Гавриловна, которая даже дома ходила с макияжем, пышной укладкой и в тщательно подобранных нарядах. Сколько же бесценных советов она дала юному Льву перед его первыми свиданиями! Она научила его завязывать галстук аккуратным тугим узлом, подарила первые духи с великолепным хвойным ароматом. За столом давала естественные уроки этикета, рассказывая разные истории о создании столовых приборов. Ее рассказы, мягкое наставничество превратили тогдашнего юнца из рабочего района столицы в привлекательного кавалера с отличными манерами. Такого ухажера не стеснялись оделить вниманием девушки из семей дипломатов, министров и прочей партийной бонзы. Лев пользовался популярностью у женского пола, преподаватели легко ставили хорошие оценки приятно-му парню, да и сокурсники тянулись к нему,

инстинктивно оценив воспитание и широкий кругозор.

Теплота и уютная атмосфера дома Журиных привлекали не только Льва. Все соседки перед любым выходом забегали к Лидии для оценки своего наряда. Женщина мягко исправляла ошибки, помогала с макияжем, потому что от природы обладала удивительным художественным вкусом. Работа в сфере искусства, постоянные выходы в культурный бомонд столицы сделали ее незаменимой советчицей всех женщин в доме и подъезде. Лидия Гавриловна, если выразаться современным языком, была их личным стилистом. Через знакомых всегда ей перепадала стопка иностранных журналов о моде, невиданные глянцевые страницы разлетались по соседним квартирам, внося немного ярких красок и стиля в серую действительность жизни после развала СССР. Во время таких соседских чаепитий Лидия становилась часто еще и психологом, выслушивая жалобы на семейную жизнь. Обладая природным тактом, она давала советы, как же найти с мужем общий язык. Да кому, как не ей, было учить жиль-

цов дома счастливой семейной жизни! Ведь с Олегом Митрофановичем они жили без ссор и раздоров уже больше тридцати лет. И не просто жили в скучном режиме дом — работа, а до сих пор испытывали друг к другу трепет и нежность. Именно для мужа наряжалась Лидия в вечерние платья во время ежедневных семейных ужинов, его старалась порадовать кулинарными изысками, с ним с упоением обсуждала состоявшийся поход в театр или поездку в старенький подмосковный музей. Она бережно не мучила его походами на блошинные рынки или в обожаемые ею антикварные магазинчики, только вечером выслушивала комплименты своему вкусу, демонстрируя очередную находку среди развалов старинных и диковинных вещиц. Олег Митрофанович в ответ смотрел на жену с восхищением все годы их совместной жизни. Скромную ставку сотрудника кафедры машиностроения политехнического института тратил на подарки для любимой Лидоньки.

Стоило Льву прикрыть глаза, как память мгновенно унесла его в прошлое, в одно из праздничных вечерних застолий в доме Жу-